

ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ

ГАЗЕТА РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
МАЙ 2017 г. • № 5 (247)
ЦЕНА ДОГОВОРНАЯ
Издаётся редакцией и Союзом писателей России

Владимир БОНДАРЕНКО

ДИНАСТИЯ ИВАНОВЫХ

Как известно, Россия держится на Иванах. А современная русская литература – на Ивановых. Не будем в этой статье затрагивать поэтов Ивановых, которых тоже немало, от Вячеслава до Георгия, пародистов Ивановых, тем более, там неясна их настоящая фамилия, расскажем о прозаиках Ивановых, прославивших русскую литературу XX и начала XXI веков. Интересно, что все эти писатели (мне кажется, я никого не упустил) и их произведения разнотипны и многожанровы, но основные их повести и романы определяют всю историческую прозу России. Кроме этого их проза пронизана величием замысла, открыто государству. Предлагаю выпустить большим тиражом многотомник "Династия Ивановых. Проза".

Начну, пожалуй, с Всеволода Никаноровича Иванова, человека с удивительной биографией, с которым в конце его жизни мне довелось и по-прежнему встречаюсь.

Родился он в Гродненской губернии 7 сентября 1888 года, скончался в возрасте 83 лет в Хабаровске, на нашем Дальнем Востоке. Закончил исторический факультет Санкт-Петербургского университета, собрался серьезно заняться историей, но началась первая мировая война и молодой историк был призван в армию. Доблестно воевал, и в августе 1916 года был награжден орденом Святой Анны, закончил воевать подпоручиком в сентябре 1917 года. Сначала преподает в Перми, в филиале Петербургского университета, затем переезжает в Омск, работает в пресс-службе адмирала Колчака.

Так с колчаковской армией наступал и отступал до конца гражданской войны, в 1922 году успевает эмигрировать с остатками армии в Китай.

Интересно, что в освобожденном красноармейцами Омске по ошибке был чуть не расстрелян вместо колчаковского Иванова другой Всеволод Иванов, знаменитый автор советских повестей "Бронепоезд 14-69", "Партизаны", и других. Также писатель, тоже Всеволод Иванов, примерно того же возраста. Их просто перепутали. Уже писателя вели на расстрел, но красного Иванова вовремя заметил его знакомый красный командир, и разъяснил ситуацию. С марта 1920 по май 1921 года Всеволод Иванов сотрудничал в газетах города Харбина в Китае. С мая 1921 года он издавал и редактировал "Вечернюю газету" во Владивостоке и был близок к кругам Приамурского правительства. В октябре 1922 года, с наступлением красных войск на город, Иванов покидает Владивосток и на многие годы оставляет Родину, направляясь в Корею, а затем в Китай.

В Харбине он становится главным редактором русской газеты и чуть ли не каждый год издает по книге прозы. Резко меняются и его политические взгляды, он начинает сотрудничать с советской прессой. По мнению многих, кроме журналистики и литературы Всеволод Иванов занимается военной разведкой на Советский Союз. Позже его знакомый, писатель Г.Г. Пермяков, писал: "Всеволод Никанорович Иванов был советский разведчик в Китае, по военной линии и по линии демиургов антисоветской пропаганды. Тяньзинь, Харбин, Шанхай, Пекин, Нанкин. Его личное дело... лежит в КГБ СССР, обратитесь туда, и у вас будет прекрасная тема для написания о нём повести. Он мой крёстный; мы дружили, он учился у меня китайскому, 1952-54 годы. Я знаком с ним с 1925, когда уже сообщал, что к чему..."

В Советский Союз он вернулся в феврале 1945 года, осел в Хабаровске, подавшие от Москвы. Здесь с ним и познакомились молодой Юлиан Семенов, избрав его прототипом своего Штирлица. На юбилей писателя Юлиан Семенов прислал телеграмму: "Дорогой Всеволод Никанорович! От всего сердца поздравляю вас с 75-летием! Желаю вам счастья и творчества. Всего самого хорошего. Искренне вас почитающий и любящий Юлиан Семенов".

Но Штирлиц и в Советском Союзе не ушел на покой, а продолжал писать удивительную историческую прозу. Литератор Юрий Квятковский вспоминает о последнем периоде его жизни: "В конце своей жизни, когда я видел его за столом в архиве МВД, он выглядел не больным, а скорее утомленным от жизни. Внешне и внутренне это был могучий человек, в своей русской основе, как Илья Муромец..."

Вот такими же могучими были все писатели Ивановы. Я получил от Всеволода Никаноровича изданный в Шанхае ещё в двадцатые годы роман "Мы", замечательную хроникой русской провинциальной жизни. Затем с удовольствием прочитал его сборник эссеистики и воспоминаний "Огни в тумане: Думы о русском опыте" (1932), историческую прозу: "Повесть об Антонии Римлянине" (1934), роман "Чёрные люди" (1963), повести "Иван Третий", "Ночь царя Петра", "Императрица Фике" (1967), роман-исследование "Александр Пушкин и его время" (1970).

Всеволод Никанорович в Китае встречался с Николаем Рерихом, написал о нём самую крупную по тем временам монографию – "Рерих. Художник, мыслитель", изданную в Риге дважды в 1937 и в 1939 году. В предисловии к книге о Рерихе Иванов писал: "Родина и Красота – вот о чём думалось тогда, в те ночи. И ведь всегда Родина наша, Россия, родится в наших сознаниях и в бурях и в Красоте. Буря – форма, Красота – содержание, без которых не понять целого, как не понять формы слюдяного древнего фонаря, если не вставить внутрь свечки. Художники, музыканты, поэты и писатели тоже светят ясным, незакаленным светом, озаряя тысячелетнюю нашу историю..."

Так что при всех своих идейных скитаниях Всеволод

Иванов всегда оставался убеждённым русским патриотом. Были у него и философские работы о Владимире Соловьёве, о русской культуре. Успел написать пять томов воспоминаний, полностью так и не изданных до сих пор. Самая колоритная фигура в культуре Дальнего Востока. Тот же Квятковский вспоминает: "Я поднялся на второй этаж кирпичного дома по улице Калинина № 76 [в Хабаровске], позвонил. Дверь открыла Мария Ивановна [Букреева, супруга]... Всеволод Никанорович сидел за большим столом, работал над своими воспоминаниями. Я окинул взглядом комнату. В глаза бросилось – вместо ковра над кроватью большое развешенное белоодеждыское знамя, под которым он служил... В углу – большой кованый железом сундук. Вот и вся мебель кабинета. И я тогда подумал: "В этом сундуке всё его богатство, которое он нажил в эмиграции"..."

Поражает разнообразие его работ: проза для детей "Золотой бурундук", научные книги о Китае и о России, фантастика, психологическая проза, историческая проза, стихи. И всё-таки главный его роман – это историческая эпопея "Чёрные люди", о русском народе как главном творце истории, об освоении русскими всей Сибири и Дальнего Востока... В беседе по поводу выхода в свет повествования Всеволод Никанорович сказал: "То, что я написал "Чёрные люди" – это чудо, не я это написал, что-то само или кто-то сам писал моей рукой...". И написано это ёмкое чудо было всего за восемь месяцев, хотя материал собирался всю жизнь.

Скончался Всеволод Никанорович Иванов 9 декабря 1971 года, похоронен на Центральном кладбище Хабаровска, в 1-м секторе (аллея писателей).

А теперь вернёмся к его однофамильцу, тоже сибиряку и дальневосточнику Всеволоду Вячеславовичу Иванову, советскому классику, родившемуся 12 февраля 1895 года в Семипалатинской области и похороненному в Москве в 1963 году. Один из "Серпионовых братьев", он стал широко известен ещё в двадцатые годы. Сергей Есенин писал о нём: "Иванов дал Сибирь по другому рисунку, чем его предшественники, и совершенно как первый писатель показал нам необычайную дикую красоту Монголии".

Советский Всеволод Иванов воевал в Красной Армии, с 1918 года член КПСС. После Гражданской войны стал сотрудничать в газете "Советская Сибирь", в 1921 году переехал в Петроград, в самом первом номере первого советского толстого журнала "Красная новь" в 1921 году вышла его повесть "Партизаны", а уже в пятом номере повесть "Бронепоезд 14-69": он один из организаторов группы молодых писателей "Серпионовы братья". С 1924 года жил в Москве, участвовал во встрече со Сталиным на квартире Горького 26 октября 1932 года. С 1934 года один из организаторов Союза писателей СССР, председатель Литературного Фонда. Во время войны был фронтowym корреспондентом "Известий".

Так же, как его почти полный тёзка, писал во всех жанрах: пьесы, повести, романы "Кремль", "Голубые пески", "У", совместно с Виктором Шкловским авантюрный роман "Иприт", фантастику, утопии, публицистику... И всё-таки, главные его книги тоже были посвящены Сибири и русской истории. С одной стороны, он был признанным советским классиком, с другой, его главные романы "У" и "Уж-гинский кремль" не допускали к печати. В 1972 году роман "Ужгинский кремль" (позже, уже в годы перестройки изданный как "Кремль") был набран в журнале "Простор" с предисловием именитого литературного начальника и друга Иванова Константина Федин, но с самого верха печатать запретили, весь тираж журнала был уничтожен. Эта двойственность в то время касалась всех заметных советских писателей, от Леонида Леонова до Юрия Бондарева, у каждого советского классика был хоть один, но запрещённый роман. Западные советологи порой даже преувеличивали гонимости того же Иванова. Вот, к примеру, Карл Проффер, известный американский литературовед и издатель пишет: "Иванов был одним из тех, кто уцелел, несмотря на "нездоровую" близость с "Серпионами"...". По незнанию для него объединение "Серпионовых братья" было каким-то чуть ли не диссидентским, но основу объединения составляли Константин Федин, Вениамин Каверин, Николай Тихонов, Михаил Зощенко, да и сам Всеволод Иванов – сплошь лидеры советской литературы, неужели все они были "нездоровыми"? Позже, роман "У" попал в самиздат и был опубликован на Западе в 1982 году.

Как вспоминал сам Всеволод Иванов, начало его знаменитого рассказа "Дитё" (1922) "Сталин выучил наизусть, помнил его и через 20 лет и сказал Фёдоров Панфёрову: "Вот как писал Всеволод Иванов!"...

Третьим и сибирским, и всероссийским, и историческим, и державным писателем называл Валентина Дмитриевича Иванова. Родился он в 1902 году в Самарканде. Семнадцатилетним идёт воевать в Красную Армию, затем работает на разных стройках. Писать начал поздно, почти в сорок лет, но достаточно быстро добился успеха. Главным его произведением принято считать трилогию о возникновении Руси. Большой скандал вызвал роман писателя "Жёлтый металл", написанный на основе реальных исследований урызского ка массовый краже золота. Долгое время этот роман был запрещён, и лишь в 2015 году его переиздали в серии "Библиотека приключений". Удивительно, но один из самых патриотичных державных писателей России, автор исторических романов "Русь изначальная" (1966), "Повести древних лет" (1955) и "Русь великая" (1967), до сих пор находится под подозрением у издателей. Не могут его простить охотники за золотом в органах власти.

(окончание на стр.3)

Борис Ильич Олейник (22.10.1935 – 30.04.2017) – советский и украинский поэт, общественный и государственный деятель, лауреат многих литературных премий.

Цветущая сирень на броне танков, ветер славы с необъятных просторов, стихи и звон колоколов... Ещё в позапрошлом сияющем мае Борис Олейник не боялся приехать через бандеровские заслоны на празд-

Эта гульба – продолжается. Пока был жив Борис Ильич, вся эта националистическая вакханалия воспринималась трагично, но не безнадежно, как временное помрачение, пока живут на земле Украины и произносят вещи слова

В славянском порыве... Некролог

ничную Белгородчину, и мне снова довелось пообщаться с истинным поэтом, мудрым и верным товарищем русских писателей, принимать с ним вместе из рук губернатора Евгения Савченко премию "Прохоровское поле" в честь 70-летия общей Победы.

Мы стояли рядом с иконой, изображавшей Сталина, которую привёз другой лауреат – Александр Проханов, и я думал об украинском друге: вот кто не предал ни родины, ни собственной судьбы – хлопец из полтавского села Зачепиловки, автор сорока книг стихов и множества пронзительных песен, настоящий коммунист и депутат Верховных Советов. Но главное – истинный лирик!

...Накануне Первой мая на 82-м году жизни выдающегося славянского поэта не стало. Соболезнования родным литератора выразил президент Украины Пётр Порошенко. Ещё был! – ушёл Герой Украины, который и в последние годы бросал в лицо правящему клану слова правды и гнева. Я перевёл его стихи "Гуляет панство":

И вновь над Украиной – "время люте"
Когда солдаты мировой войны,
Свои награды продавать должны...
Грохочут над голодными салютами,
И вновь чума гостит у сатаны.

Уж так гуляют власти Украины,
Жируют до прогнутия земли,
И в чашах яро багровеют вина.
Гуляет панство – ох да на крови!

В советское время делали вид, что 1 мая – праздник труда, мол, "Мир! Труд! Май!".

Шли с лучезарными мирными лицами в колоннах. Дети, воздушные шарик, цветы, улыбки, сопли счастья от достигнутой мирной жизни в социалистическом обществе.

Между тем исторически ничего подобного.

Рабочие движения первого времени все были violent.

Массовые рабочие движения начались в Америке.

В забастовках в Чикаго весной 1886 года участвовали от 300 тысяч до 500 тысяч рабочих. Требовали восьмичасового рабочего дня. И более того: "Долой троны, алтари и

День рабочего

денежных мешков!".

Майская листовка в 1886-м, после столкновения с полицией у завода механических жаток Мак Кормика (тогда погибли шесть рабочих) в Чикаго, кричала не о мире. "Мест! Рабочие к оружию!"

"Вы годами носили самые отвратительные унижения, годами терпели нужду и голод, своих детей вы приносили в жертву фабричным лордам, – словом, все эти годы вы были жалкими и покорными рабами. Для чего? Для удовлетворения ненасытной алчности, для наполнения сундуков бездельников и грабителей, ваших хозяев. И теперь, когда вы просите облегчить ваше бремя, они высылают своих кровавых псов, чтобы те стреляли в вас и убивали вас.

Если вы мужчины, если вы подлинные сыны ваших великих предков, которые проливали свою кровь для вашего освобождения, то вы восстанете и своей могучей геркулесовой силой уничтожите отвратительное чудовище, которое хочет уничтожить вас. Мы призываем вас к оружию! К оружию!

Ваши братья".

Таких листовок отпечатали 6 000 экземпляров, по количеству чикагских активистов International Working People's Association, во главе её стоял анархист Альберт Парсонс.

Митинг проходил на Хеймаркет, в центре Чикаго, вечером; начали в 7.30, шёл дождь. Проходил мирно, когда вдруг в самом конце митинга, после речи последнего оратора, взорвалась бомба. Взрыв вызвал панику, погибли около 50 человек. Обезумевшие полицейские палили в толпу из револьверов.

Восьмь человек были арестованы. Четверо: Альберт Парсонс, Август Шлис, Адольф Фишер и Джордж Энгль были повешены, остальные получили сроки по 15 лет.

Рабочие движения того времени все были violent, проходили под аккомпанемент винтовочных выстрелов и взрывов бомб, в воздухе стоял запах пороха и крови.

Так что не надо замазывать, Первой мая – это рабочие к оружию! а не мир...

Хозяева заводов во время рабочих демонстраций помещали на чикагских крышах стрелков с винчестерами.

За восьмичасовой рабочий день в своё время погибли множество рабочих. Рабочую Америку умиротворили свинцом и виселицами. Массовое рабочее движение, бунты четвёртого сословия переместились в Европу.

Я работал в 1960-е годы на нескольких харьковских заводах, так что начинал работягой. В 80-е годы в Париже на праздниках коммунистической газеты L'Humanite можно было ещё встретить настоящих рабочих металлистов,

ангелов ада с пудовыми кулачищами, с загравками быков и мощными челюстями. К своим они были добродушными братьями, в их кругу было спокойно и надёжно. У марксизма во Франции был шанс, в 80-е несколько министерств коммунистов входили в правительство при Франсуа Миттеране, а не надо было!

Левый рабочий радикализм сгубил попутчики интеллигенты, заразили либерализмом и вытолкали с политической сцены. Во Франции есть понятие gauche-caviar, то есть "икор-

ные левые". Заполучив себе администрации небольших городков, коммунистические депутаты и мэры вели там сладкую довольную жизнь, помогая иммигрантам и обездоленным, и гордились этим до занызания.

Хотя по факту неустанно профанировали рабочих и рабочее движение.

Ну и профукали Францию.

Экстремально левые, многие из них начинали как маоисты, буржуазные мальчишки парижской якобы "революции" 1968 года (Бернар-Анри-Леви, Ален Финкелькрот и другие), опершись на авторитет Солженицына, пробили брешь в стене марксизма, объявили его варварством с чеповеческим лицом, и марксизм смыл поток капитализма, капитализм поглотил марксизм, как ФРГ поглотила ГДР.

Социалисты? Ну это Франсуа Миттеран и его политический сынок Франсуа Олланд. Ничего социалистического кроме вывески. Фактически присвоившие себе социализм, самоназвавшиеся, успешно обманувшие этим население. В Великобритании вообще уже около столетия длится фарс, когда в палате лордов объявляют "лорд такой-то, labor". То есть лорд – член рабочей партии....

Впрочем, марксизм это не синоним социализма, как делали вид в эсэсэсских школах и вузах. Там с самого начала была большая разница, позволявшая профанировать социализм быстрее, чем марксизм.

Это не одна и та же идеология, только соседские. Не нужно думать, что марксизм умер.

Часть марксизма осталась и останется. Марксизм просто больше не главный на планете. Он потеснился, дав место патриотизму и национализму.

То, что потеснился, ещё куда ни шло.

Но он, увы, перестал быть страшным сфинксом, карающим чудовищем буржуазных снов.

Они перестали бояться.

Кроме того, планета лишилась универсальной идеологии. Если раньше можно было соединившихся пролетариями всех стран победить любую сверхдержаву и даже союз их, победить любую сверхрелигию, то теперь исламизм одерживает победы во многих случаях.

1 мая отправляюсь туда в Москве, где красные флаги всё ещё беспечно рвутся на ветрах. Вроде не угрожающему, а там чёрт его знает. Обновлённый красный может ещё и разярить толпы, и они устремятся в порыве ярости свергать троны, алтари и денежные мешков. Доделывать недоделанное в XX-м веке.

Красного катастрофически не хватает на планете в настоящее время.

"Большая Красного!" – повторял Егор Летов.

пришельцев к мифическому профилю Волопины, лью прощальные слёзы, потому что ничего такого, что мы там бесечно переживали, нам больше не придётся испытать.

Через Пересыпь в Коктебель и назад проезжал два раза в год тихий поэт Николай Краснов. В Краснодаре я выделял его, такого же некоренного жителя, как я сам. Мы всякий раз при встрече вспоминали что-нибудь своё, потаённо-одинокое: я сибирское, а он волжское (родился Коля рядом с деревней пушкинской приятеля Языкова). Заметно было, что он во всём некубанский, тоскует по русской деревне, часто уезжал то к детскому порогу, то в белгородскую глушь, где жили сёстры жены Шуры. Там он подолгу гулял в поле, в лесу и складывал строчки в уме, возвращался частенько с готовым стихотворением. На фронте ему покалечило правую руку, писать ею было неловко. В тоске я часто спасался у Николая Степановича в офицерском доме, поставленном после войны напротив студенческого общежития, в котором я просыпался пять лет.

(окончание на стр.6)

Уж чересчур скоро
скрылись в камыши и воды
двадцать пять наших
годочков. Ещё потяну-
лись бы на наше счастье
вдоль берега, над садом,
Виктор
ЛИХОНОСОВ

над тою же горой под Ахтанизовской, ещё крохотное посветила бы нам обоем ущербная и полная луна над белой трубой, и ночью, взглянув на Большую Медведицу, возвращался бы я в хату, где в своей светёлке спит мать. И... и ещё не раз уезжал бы я тихим утречком из Пересыпи в Коктебель, в тот самый, который помог мне случайно выбрать Пересыпь.

Ах, Коктебель, Коктебель... Не видать бы мне Лягушачьей бухты и горы Кара-Даг, если бы не допустили меня боги плести слова. Впервые ехал я в волжешнюю межку из Краснодара на поездке Баку – Симферополь, через пролив тащил нас паром; Керчь как-то не помню, а в Фео-

досим мы с Ольгой снаряжали такси. Крым, горы, таинственное море за нами, легенды навевали мысли о счастье, которое досталось другим надолго, а нам нынче на одно мгновение.

Но как отрадню душе! Ты словно по-барски отделился от тех, кто живёт на востоке, в Сибири,

много вроде бы неуместным, и по аллее нёс я портфель с желанием, чтобы меня никто не заметил. Москвички заявлялись в своё, неизвестно с каких пор обжитое поместье. В столовой им отводили любимое, привычное местечко (не всем, конечно), Каплер и Друнина всегда питались в зелёной веранде, кто-то непременно у окна, кто-то там, где не дуло, некоторые выбирали сотрапезников только из своего круга, провинциалы чаще всего устроивались как придётся. Было им поначалу даже завидно, как запросто, почтительно узнают завсегдатаев официантки, сторожа, уборщицы, хранитель в доме Волошина. Некоторых ждали с весны. А ты ещё какой-то неважный деревенский постоялец, случайный чужой заезжий, без роду без племени, к которому привыкнуть не скоро, а может, и никогда. Но ничего, ничего! Каждому будет свой уголок.

На отдыхе в своей бойкой дружеской компании москвичи, легко кого-нибудь цитируя, кого-

то великого вспоминая, записались ещё талантливее, чем в журналах и книгах. И когда они вдруг на прогулке, у почтового ли ящика у входа в столовую или где-то ещё, начинали с тобой вдруг здороваться, то такой бывший учитель из анапского совхоза, как я, измученно себя спрашивал: "Неужели Люся Каплер и Юлия Друнина читали мои рассказы в "Новом мире"?!" Я и сам, заглядывая в номере журнала на страницу с моей фамилией, удивлялся: да разве это я? И было это в тот год, когда я получал ласковые письма от Бориса Зайцева и Георгия Адамовича из Парижа. Спасибо Господу за то, что даровал многим из нас сельскую наивность, и даже спасибо тем уверенным москвичам, на которых мы поначалу смотрели снизу вверх. Душе всё было на пользу. И спасибо тайному повелению за эти внезапные минуты, когда я пылко вытеснил из нынешнего житейского сора старый, употребительный Коктебель и расчувствовался безумно, после двадцати строк раскуорил бутылку крымского вина и кинулся искать путеводные книжечки о Коктебеле (Планерском) и Судакке, которые я покупал (каждый раз новые) уже в Феодосии. Цежу вино, вспоминаю всех-всех

Из книги воспоминаний
"Одинокие вечера в Пересыпи"